

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МУЗЫКА

«Вообще страшная вещь музыка! Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что делает?» — так пишет Л. Толстой о музыке в «Крейцеровой сонате». Удивительную, гипнотическую силу музыки великий писатель не раз подчеркивал в своих произведениях, статьях, письмах, высказываниях. «Музыка — стенография чувств». Это широко известное определение Л. Толстого предельно ясно выражает его отношение к музыке, как к искусству, призванному воплощать прежде всего мир человеческих страстей, чувств, порывов. Именно поэтому Толстой любил музыку едва ли не более всех других искусств. Музыкальность, пластичность, гармоничность — качества, в высшей степени присущие эстетике Толстого, они так или иначе проявляются и в его литературном творчестве. Язык Толстого невольно хочется назвать музыкальным; образы его романов и рассказов порой неотделимы от чисто музыкального, духовно-возвышенного строя чувств; иногда они и непосредственно, прямо связаны с музыкальными впечатлениями самого Толстого. Музыка как квинтэссенция духовного и эмоционального мира человека — своеобразный «стержень» всего творчества Толстого.

В молодости Лев Николаевич занимался музыкой, увлеченно учился играть на фортепиано, изучал теорию музыки и даже сочинял (кстати, вальс, написанный Толстым, звучит в фильме, только что вышедшем на экраны, — «Отец Сергей»). В конце пятидесятых годов он изучает и собирает образцы народного, в частности казачьего, фольклора — в том числе и песни. Любовь к народной песне Толстой сохранил на всю жизнь. За год до смерти он пишет очерк «Песни на деревне». «Ничто так не люблю, как наши простые деревенские песни», — признавался писатель в старости. Толстому нравятся частушки, цыганские песни, а из русских народных — более мажорные, веселые, нежели протяжные.

Любовь к песне, наблюдения над ней, над впечатлением, которое она производит на слушателей, — все это нашло отражение в произведениях Толстого. Так, Наташа Ростова, слыша звуки русской песни, говорит, что «...эта песня казалась ей в эти минуты верхом музыкальной прелести». А вот описание пения хора русских крестьянок в «Анне Карениной»: «Один грубый голос затянул песню и до-

пел ее до повторения, и дружно в раз подхватили опять с начала ту же песню полсотни разных грубых и тонких, здоровых голосов».

Целую галерею певцов выводит Толстой на страницах своих сочинений. Это запеваала цыганского хора Стешка («Два гусара»), солдат-запевала («Набег»), Антонов («Рубка леса»), Лукашка и Ерошка («Казачьи»), солдаты-песенники, дядюшка и его дворовый Митька («Война и мир»), горец Ханефи («Хаджи Мурат»), цыганка Маша («Живой труп»), рекрут Александр («Песни на деревне»). Огромным достоинством народной песни Толстой считал то, что «она выходит из сердца и поэтому влияет на сердце». На вопрос, какую музыку он более всего любит, Толстой отвечал: «Простую, народную. И самый лучший композитор — это народ». Познакомившись в 1876 году с П. И. Чайковским, Толстой шлет ему сборник записанных им самим народных песен с

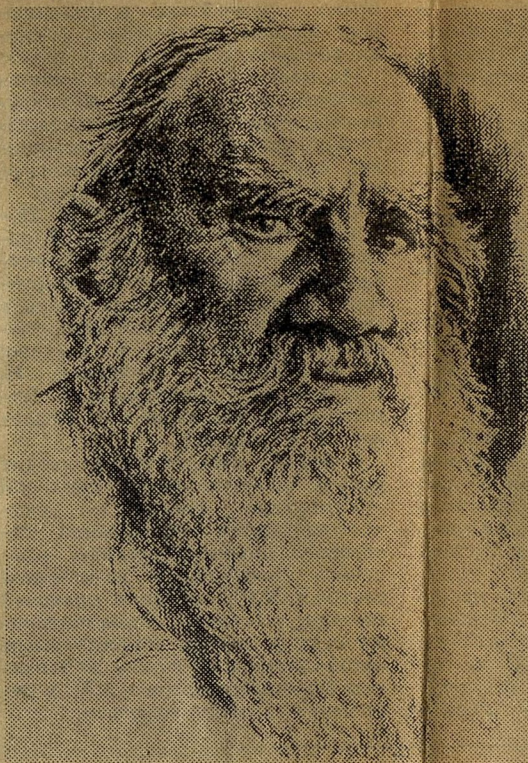

Рис. Э. Ярова.

К 150-летию со дня рождения великого русского писателя

просьбой «обработать их в моцартовско-гайдовском роде, а не в бетховено-шумановско-берлиозо — искусственном, ищущем неожиданного роде».

Сам Толстой воспринимал музыку обостренно эмоционально. «Слушая музыка, — вспоминает А. Б. Гольденвейзер, — Лев Николаевич вскрикивал от восторга, ахал, слезы были у него на глазах. Я даже боялся, что излишнее возбуждение может ему повредить... Лев Николаевич, — продолжает Гольденвейзер, — любил музыку с определенно выраженным ритмом, мелодически ясную, веселую или полную страстного возбуждения... Ему нравилось только самое лучшее, как из музыкальных произведений, так и в области музыкального исполнения. Не нравилось ему или оставляло его равнодушным иногда то, что, с моей точки зрения, было прекрасным (например музыка Вагнера), но то, что ему нравилось, было всегда действительно хорошо».

В большом салоне дома Толстых в Ясной Поляне рядом с обеденным столом стоял рояль, на котором иногда поигрывал и сам Лев Николаевич. Сюда приезжали известные музыканты: А. Гольденвейзер и С. Танеев часто играли для Толстого в четыре руки симфонии Гайдна, Моцарта, Бетховена; звучали фор-

тепианные сонаты Бетховена, пьесы Шопена; здесь пели Ф. Шаляпин и М. Оленина д'Альгейм; проходили горячие споры о сущности музыки между Л. Толстым, В. Стасовым и Н. Римским-Корсаковым; сюда, в Ясную Поляну, приезжала вместе со своим клавесином знаменитая польская клавесинистка Ванда Ландовска (она играла Толстому клавесинные пьесы Баха, Скарлатти, Генделя, Куперена, Рамо, старинные французские танцы в обработке для клавесина, а также французский ансамбль старинной музыки (с участием С. Кусевицкого) — в последние годы жизни Лев Николаевич особенно интересовался старинной европейской музыкой, старинными инструментами, а также фольклором, эстетикой и инструментарием Древнего Востока...

Музыкальные интересы Толстого были чрезвычайно широки. «Из всех композиторов, — вспоминает Гольденвейзер, — Лев Николаевич больше всего любил Шопена. В Шопене Льву Николаевичу близка была его родственная славянская душа. Но было, по-видимому, в самой индивидуальности Шопена что-то особенно близкое Льву Николаевичу. Он у Шопена любил все: баллады, сонаты (си-бемоль минор, я не знаю, слышал ли он когда-нибудь си минорную), скерцо, ноктюрны, прелюдии, мазурки, — все, все...».

«Во всяком искусстве, — говорил Толстой, — я это и на своем опыте знаю, трудно избежать двух крайностей: пошлости и изысканности. Например, Моцарт, которого я так люблю, впадает иногда в пошлость, но поднимается зато потом на необыкновенную высоту. Недостаток Шумана — изысканность. Из этих двух недостатков изысканность хуже пошлости, хотя бы потому, что от нее труднее освободиться. Величие Шопена в том, что как бы он ни был прост, никогда он не впадает в пошлость, и самые сложные его сочинения не бывают изысканными. Толстой говорил, что музыка Шопена «побуждает его к художественному творчеству». «Вот

как надо писать рассказы», — воскликнул писатель, прослушав в исполнении Гольденвейзера прелюдии Шопена.

Толстой восхищался музыкой Гайдна и Моцарта. «Едва ли не самое ценное для меня свойство Гайдна, — говорил Толстой, — его жизнерадостность, а то теперешний какой-нибудь напьется, испортит себе желудок, а потом говорит, что жизнь — зло».

Отношение к Бетховену было двойственным и порой парадоксальным. После прослушивания Девятой симфонии в четырехручном исполнении Танеева и Гольденвейзера Толстой сказал: «Боюсь, что это не музыка, а то, что погубило музыку». Творчество

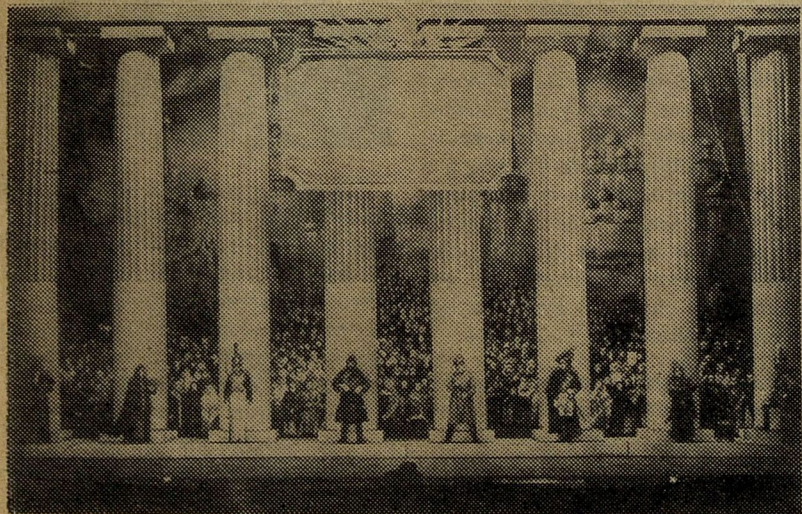
нако ж, я не был так польщен и тронут в своем авторском самодовольствии, как когда Л. Н. Толстой, слушая «Andante» моего Первого квартета и сидя рядом со мной, залился слезами».

Лев Николаевич был чрезвычайно восприимчив ко всему новому в искусстве. Он посещал премьеры и даже репетиции новых оперных спектаклей (например «Фераморса» А. Рубинштейна), с интересом относился к музыке молодых тогда русских композиторов — Танеева и Скрябина. Правда, всякого рода формальные «новации» оставались чуждыми Льву Николаевичу. «Когда нет настоящего таланта, — говорил он, — и начинают стараться во что бы то ни стало сделать что-то новое, необыкновенное, тогда искусство идет к чертовой матери»...

...Произведения Толстого кладутся в основу целого ряда музыкально-сценических произведений композиторов XX столетия. Это оперы «Воскресение» итальянского композитора Ф. Альфано, «Анна Каренина» венгра Е. Губая, «Воскресение» словацкого композитора Я. Цикера и «Анна Каренина» чеха Э. Хлобила, «Чем люди живы» Б. Мартину.

В Большом театре идут два спектакля, вдохновленные значительнейшими созданиями Толстого: это опера «Война и мир» С. Прокофьева и балет «Анна Каренина» Р. Щедрина (кстати, единственный балет, связанный с творчеством писателя). Постоянный большой успех этих постановок — не в меньшей степени, чем их драматургическая канва — вновь заставляет вспомнить Толстого: «Как только зрители-слушатели, — писал великий писатель, — заражаются тем же чувством, которое испытывал сочинитель, — это и есть искусство».

И. АЛЕКСАНДРОВ.

Пролог из оперы С. Прокофьева «Война и мир» на сцене Большого театра. Режиссер-постановщик Б. Покровский, художник В. Рыдин.